

✦ Классическое наследие

UDC 316.614.2

DOI: 1606-951X.2014.1.1987

УИЛЬЯМ АЙЗЕК ТОМАС

ПОЛОВОЕ НАЧАЛО В ВОСПРИИМЧИВОСТИ*

Аннотация: В этой ранней статье автор выдвигает гипотезу, что характерно человеческая восприимчивость, благодаря которой на индивида оказывают влияние присутствие, поведение и мнение других людей, имеет в качестве одного из своих источников процесс репродукции. В процессе социальной эволюции типы реакции, имеющие сексуальное происхождение, переходят в различные виды социальной деятельности несексуального характера.

Abstract: In this early article the author sets forth the hypothesis that characteristically human sensibility through which an individual is affected by presence, behavior and opinion of others, has reproductive process as one of its sources. In the course of the social evolution, the types of reactions with a sexual origin become involved in various kinds of social activity of non-sexual character.

Ключевые слова: социализация, восприимчивость, пол, интеллект, эмоция.

Keywords: socialization, sensibility, sex, intelligence, emotion.

Любая теория социализации должна придавать первостепенную значимость влиянию на индивида присутствия, поведения и мнения других; и качество податливости социальному влиянию, столь важное в формировании характера индивида и в формировании самого общества, имеет, видимо, два источника: один — в процессе питания и другой — в процессе репродукции.

Жизнь любого высокоорганизованного вида зависит от быстроты, точности и адекватности его реакции на стимулы. Новые опасные или же выгодные ситуации преподносят себя постоянно, и вид развивает когницию и эмоциональные реакции, позволяющие к ним аккомодироваться. Каждый такой вид имеет вследствие этого высокую степень восприимчивости. Быть может, самым примечательным выражением восприимчивости у человека является его чувствительность к мнению, которого придерживаются о нем другие. Социальная жизнь на каждой стадии общества характеризуется решимостью произвести ошеломляющий эффект. Достаточно будет

---

* Перевод сделан по изданию: Thomas W. I. The Sexual Element in Sensibility // Psychological Review. — 1904. — Vol. 11. — P. 61–67. Перевод публикуется в редакции переводчика.

просто привести в этой связи этнологические факты. У индейцев киче есть общество молодых мужчин, настолько храбрых и настолько бравирующих своей храбростью, что они никогда не ведут бой из укрытия и не сворачивают в сторону, чтобы не попасть в засаду или не провалиться в расщелину во льду. У африканца есть привилегия делать надрез длиной шесть дюймов у себя на бедре за каждого убитого им человека. Меланезиец, планирующий месть, ставит где-нибудь на видном месте черенок или камень; он отказывается есть и воздерживается от танцев; он молча сидит на совете, отвечает на вопросы посвистыванием, иными знаками привлекает к себе внимание и всячески дает понять, что он человек мужественный и опасный и ждет своего часа.

Это стремление добиться хорошего мнения других явно как-то связано с добыванием пищи и с конфликтной стороной жизни. Высокое мужество восхваляется и ценится обществом; на храброго мужчину оказывают меньше давления другие, он находит существенное признание и благосклонность у женщин. Следовательно, действовать так, чтобы снискать общественное одобрение и некоторую меру позитивной оценки, выигрывая; и некоторая степень восприимчивости к мнению других — или, по крайней мере, принятия его во внимание — встроена в процесс личного приспособления.

Проблема личного приспособления в этом отношении требует вроде бы больше интеллекта, чем эмоции; между тем, напротив, мы находим избыток восприимчивости и маниакальное стремление к хорошему мнению других, вряд ли объяснимые в своем происхождении настоятельными требованиями племенной организации или своим служением индивиду в добывании пищи и прочих средств к существованию. Почему примитивный человек не мог жить в обществе, участвовать в военных кампаниях, устраивать засады, развивать бойцовские техники и снаряжение, быть кровным братом другому человеку, демонстрировать свои трофеи, придавать высокую ценность своей личности и требовать для себя признания и уважения без этой почти патологической зависимости от похвалы и порицания других?

Или, подходя к вопросу с другой стороны и проверяя наши состояния сознания, мы обнаруживаем у себя признаки обладания большим запасом восприимчивости, чем это оправдывается непосредственной деятельностью. Мы обладаем всё тем же маниакальным стремлением к тому, чтобы о нас хорошо думали; нам чрезвычайно интересно, когда мы слышим, что другие что-то про нас говорят; мы раздражаемся и даже приходим в ярость, слыша малейшую критику в наш адрес, и по-детски радуемся комплиментам (вне всякой связи с собственными заслугами); дети и взрослые одинаково хорошо понимают, как выпятиться и привлечь внимание, и так же хорошо понимают, как обратить на себя внимание, удалившись, отойдя в сторону или выйдя из игры. У нас есть склонность красоваться, внешне не связанная генетически с подвигом или организацией, и мы признаем, что эта форма тщеславия не согласуется с обычным течением нашей деятельности, когда мы убеждены, что мнение того или иного человека не влечет для нас никаких последствий, и пытаемся думать о себе в состоянии безразличия. Наше отношение к критике со стороны других, если бы мы могли выбирать, в интеллектуальном и продуманном виде часто было бы представлено вопросом Твида: «И что вы собираетесь с этим делать?» На самом же деле она приводит нас в уныние.

Все это, видимо, указывает на то, что в восприимчивости есть начало, не объясняемое подвигами или пропитанием, и, на мой взгляд, это начало связано в своих истоках с сексуальной жизнью. В отличие от борьбы за существование, в обычном

смысле этого термина, ухаживание между полами представляет ситуацию, в которой содержится взывание к благосклонности другой личности, и успех этого взывания имеет ценность для выживания — но не индивида, а вида через посредство индивида.

Фактически мы имеем здесь ситуацию, в которой жизненно важно доброе мнение другого. В связи с этим у всех высших животных определенно и в изобилии развиваются средства привлечения внимания и интереса других. Голос, плюмаж, расцветки, запах и движения — могущественные возбудители в ухаживании и помощники как в покорении самки, так и в привлечении самца. В этой связи мы должны также признать тот факт, что репродуктивная жизнь должна быть сопряжена с насильственной стимуляцией, иначе она бы пренебрегалась и вид бы вымер; с другой стороны, если бы покорение самки давалось слишком легко, то половой жизни грозила бы опасность стать игровым интересом и растратой, деструктивной для энергии и фатальной для вида. Работая, как можно предположить, посредством отбора и выживания, природа и гарантировала, и оберегала размножение. Самка не покоряется овладению иначе, нежели в состоянии высокого нервного возбуждения (что особенно хорошо видно в ухаживании у птиц); в то же время самец должен вести себя таким образом, чтобы манипулировать самкой, и, как более активный агент, он развивает с этой целью удивительное сценическое мастерство. Это компенсация робости и кокетства самки, с помощью которых она точно так же привлекает самца, очаровывает его и практически на него воздействует, дабы произвести в нем соответствующее состояние нервного возбуждения (см. прим. 1).

Во всяком случае, это единственная ситуация в жизни низших животных, когда выбор другого жизненно важен; и рядом с развитой техникой обеспечения этого выбора мы видим в ухаживании реакции удовольствия-боли насильственного характера. Одним словом, крайняя чувствительность к суждению другого соответствует, с субъективной ее стороны, технике покорения представителя противоположного пола. Следовательно, мы, видимо, вправе заключить, что наши тщеславие и впечатлительность имеют свои истоки по большей части в половой жизни и что, в частности, наша чувствительность к мнению других и наша зависимость от их благоволения генетически соотносимы с половой жизнью. Этот взгляд стал бы полностью доказанным, если бы мы смогли показать, что обсуждаемые качества тщеславия и чувствительности имеются у любого вида, где невозможно допустить, что они сложились в связи с борьбой за пищу и как результат выживания типов, проявляющих склонность комбинироваться и сотрудничать в попытках добыть пищу.

И мы в самом деле располагаем такими случаями у некоторых низших животных. Нельзя сказать, например, что собака выжила в борьбе за существование благодаря своей восприимчивости к общественному мнению своего вида или в силу заинтересованности в хорошем мнении сообщества собак о ней, которое бы побуждало ее вести себя на публике одухотворенно или морально. В то же время в своих отношениях с человеком собака проявляет такую же острую восприимчивость к мнению и отношению человека, как и сам человек. Внимание, которое уделяет хозяин одной собаке, будет едва ли не разбивать сердце собаке, его не получающей. Не замечаемая собакой явно на свой лад страдает, подобно солдату, посланному однокашниками в Ковентри; и если игнорируемые и ревнивые собаки не совершают при этом самоубийства — а говорят, они это делают, — то они явно пребывают в том состоянии духа, в котором готовы его совершить.

Это значит, что здесь есть высокоразвитая восприимчивость к оценке других и что у вида, представляемого ею, никакая история кроме половой истории не могла развить эту ментальную установку. В связи с ухаживанием у нее развился запас органической восприимчивости, и это состояние активизируется в ее более общих отношениях с человеком: механизм, установившийся в половых связях, запускается стимулами более общего характера. Состояние, благоприятное для стимулов особого рода, благоприятствует стимулам вообще; и представляется вероятным, что этот не очень заметный факт состояния возбуждения в сексуальных связях является важным фактором формирования разума и общества.

Есть также некоторые состояния в развитии индивида и общества, в которых сексуальный тип реакции лежит настолько близко к поверхности, что проявляет себя в связи с политическими, моральными и другими по сути несексуальными действиями. Переходя к тому факту, что подростковый период броско являет себя как период повышенной «чувствительности» и личного тщеславия, можно привести как пример вторжения или удержания сексуального элемента в состояниях несексуального типа частое соединение сексуального возбуждения с религиозным (см. прим. 2).

С психологической точки зрения, взывание в ходе религиозного возрождения к необращенному имеет некоторое сходство с попыткой самца преодолеть колебания самки. В обоих случаях воля должна быть отброшена в сторону, и с этой целью используются сильные суггестивные средства; в обоих случаях это взывание не конфликтного типа, а по сути интимное, симпатическое и просительное.

В попытке вызвать моральное приспособление, в конечном счете, оказывается, что здесь используется техника, почерпнутая вначале из сексуальной жизни, а использование, так сказать, сексуального механизма в целях морального приспособления содержит в некоторых случаях перенос в общий процесс ряда сексуальных манифестаций. Используемые эмоциональные формы и вызываемые эмоциональные состояния не очищаются полностью от своего полового содержания. С родовой стороны также есть стадия в развитии, на которой сексуальный паттерн переносится в почти неизменном виде в общественные дела. Следующие выдержки из пространного описания м-ром Боудичем того, как его принимал в 1817 г. король Ашанти, исчерпывающим образом иллюстрируют использование «индюшачьего» паттерна активности в политических отношениях:

«С ослепительным блеском, почти таким же невыносимым, как жар, отражалось солнце от блиставших повсюду массивных золотых украшений. Более сотни лент мгновенно всколыхнулись при нашем прибытии, в толпе выделялись несколько вождей; призывно загудели трубы, сопровождаемые громом бесчисленных барабанов и металлических инструментов, потом они на какое-то время уступили место мягким дуновениям длинных флейт... Не меньше сотни больших зонтов, или пологов, которые могли приютить тридцать человек, удивительно эффектно вздымались и опускались; они были сделаны из пурпурных, желтых, ярчайших тканей и шелков и были увенчаны наверху полумесяцами, пеликанами, слонами, бочонками, гербами и мечами из золота...

На кабоцирах, как и на вышестоящих чиновниках и присутствующих, были экстравагантно дорогие одежды ашанти из дорогих чужеземных шелков, которые были распушены, дабы затем соткать из них всевозможные узоры разных расцветок; они были невероятного размера и веса и были наброшены на плечи точь-в-точь как римские тоги; маленькая шелковая ленточка обычно окружала виски, на многочислен-

ных хитроумно сделанных золотых ожерельях висели мавританские амулеты, купленные на большие деньги и заключенные в маленькие квадратные футляры из золота, серебра и витиеватой вышивки. У некоторых ожерелья свисали до пояса и были сплошь из бусин агри; кольца из золота и бусин обвивали колени, с них свисали несколько шнурков из того же самого; вокруг лодыжек обвивались, подобно шпорам, кольцам или повязкам у животных, маленькие золотые браслеты; сандалии у них были из зеленой, красной и нежной белой кожи; на левых запястьях висели металлические браслеты и бесформенные слитки золота, настолько тяжелые, что как опора для руки использовалась голова какого-нибудь крепкого мальчишка...

[Король] носил ленту из бусин агри вокруг висков, золотое ожерелье с висящими на нем петушиными шпорами, на правое плечо была наброшена красная шелковая лента, на которой висели три сапфира в золотой оправе; его браслеты были сделаны из богатейших смесей бисера и золота, а на пальцы были надеты кольца; его накидка была из темно-зеленого шелка, на лбу элегантно красовалась нарисованная белая остроконечная диадема; на каждом плече — узоры, напоминающие эполеты, а на груди во всю ширину — украшение, похожее на распутившуюся розу с лепестками, накладывающимися один на другой... Пояса охранников, стоявших позади его стула, были отделаны золотом и покрыты маленькими челюстями из того же металла; слоновьи хвосты, колыхавшиеся перед ним подобно небольшому облаку, были усыпаны золотом, и среди них пышными цветками мелькали большие плюмажи. Слугами руководил его внук, на нем был только один массивный кусок золота вокруг шеи; королевский стул, весь отделанный золотом, был поставлен под великолепным зонтом, с обилием украшенных золотом барабанов, санко, горнов и всевозможных музыкальных инструментов на слое плотной бумаги; большие золотые круги на красных шнурах свисали с мечей государства... вперемежку с ними — золотые секиры; на груди у участников красовались большие звезды, стулья, полумесяцы и крылышки из литого золота» (см. прим. 3).

Неудивительно, что характерно сексуальный метод самовыражения и эмоционального призыва должен быть связан с древнейшими попытками приспособления как у индивида, так и у государства. Этот метод основан на инстинктах, и как торможение и интеграция мозга следуют в точке развития за инстинктами, так и рациональный способ контроля, индивидуальный и общественный, развивается позже, чем эмоциональная форма, или, во всяком случае, не изначально независимо от нее.

Истоки ментальной впечатлительности кроются, видимо, не в одной, а в двух общих областях активности — той, которая связана с борьбой за пищу, и той, которая связана с репродукцией. Напряженное внимание к пище и конфликтной стороне жизни предполагает развитие ментальной восприимчивости, особенно восприимчивости с когнитивной стороны. Но вдобавок к этому мы имеем восприимчивость, вырастающую из сексуальной жизни, которая обсуждалась выше и которая связана с оценкой теснее, чем с когницией. И из этих двух аспектов восприимчивости — вырастающего из конфликта и вырастающего из репродукции — второй обладает большими социальными возможностями, чем первый, поскольку подразумевает симпатическую, а не антагонистическую органическую установку.

Именно благодаря восприимчивости к мнению других общество работает — через общественное мнение, моду, традицию, порицание, поощрение, предписание и доктрину, — подчиняя индивида контролю и делая его членом общества; и сомни-

тельно, чтобы это было возможно, если бы в сексуальных отношениях не возникала особая установка восприимчивости к мнению, усиливающая общую когнитивную впечатлительность. Без этой способности подвергаться влиянию индивид пребывал бы в состоянии бесчувственного преступника, и общество было бы невозможно.

Таким образом, эта половая восприимчивость, изначально развившаяся как аксессуар размножения и не имевшая никакого социального значения, в борьбе общества за обретение власти над индивидом стала очень важным социальным фактором, и вместе с другим продуктом сексуальной жизни — любовью к потомству — она, как я предполагаю, является непосредственным источником наших симпатических установок как таковых и важной силой в развитии идеальной, моральной и эстетической сторон жизни. Наверное, мы не зайдем также слишком далеко, если предположим, что двойственность мотивации, которая характеризует нашу социальную систему и которую мы обозначаем как, с одной стороны, *эгоизм* и, с другой стороны, *альтруизм*, является естественным результатом противоположности между состояниями сознания, проистекающими из борьбы за пищу и из ухаживания, и что история общества с моральной и эстетической стороны является во многом историей попытки добиться преобладания более симпатической установки над более антагонистической.

Примечания

1. См.: Groos K. *The Play of Animals*. — N.Y.: Appleton, 1898. — P. 283.
2. См., например: Krafft-Ebing R. *Psychopathia Sexualis*. 3 Aufl. Stuttgart: Enke, 1888. S. 10; Adams C.F. *Some Phases of Sexual Morality and Church Discipline in Colonial New England / Proceedings of the Massachusetts Historical Society 2d Series*. — Cambridge: John Wilson and Son, 1891. — P. 417-516.
3. Ellis A.B. *The Tshi-speaking Peoples of the Gold Coast*. — L.: Chapman and Hall, 1887. — P. 249 и далее.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 21.01.2014